

УДК 929Bakhtin(02)
DOI 10.20339/PhS.4-22.176

О.Е. Осовский, С.А. Дубровская

Жизнь и творчество М.М. Бахтина глазами канадского исследователя

Представлена рецензия на книгу К. Hirschkop *“The Cambridge introduction to Mikhail Bakhtin”*. Книга известного канадского литературоведа и культуролога профессора К. Хиришкопа ставит своей целью системное описание научного наследия М.М. Бахтина для англоязычного читателя, прежде всего для студенческой филологической аудитории. По мнению рецензентов, автор в этом издании решает как традиционные задачи учебного пособия-справочника, выполненного в жанре «введение», так и задачи исследовательские. Впервые в англоязычном бахтиноведении анализ теории и практики российского мыслителя представлен на основе текстов собрания его сочинений, что, по убеждению Хиришкопа, формирует образ «нового» Бахтина. Апробированная схема «Кембриджского введения» дает возможность автору последовательно представить компактный очерк жизни ученого, основные источники и контексты его философских и филологических поисков, анализ ключевых идей и трудов, процесс рецепции в англоязычном мире второй половины XX — начала XXI в.

Ключевые слова: К. Хиришkop, М.М. Бахтин, «Круг Бахтина», бахтиноведение, биографическая реконструкция, рецепция научного наследия.

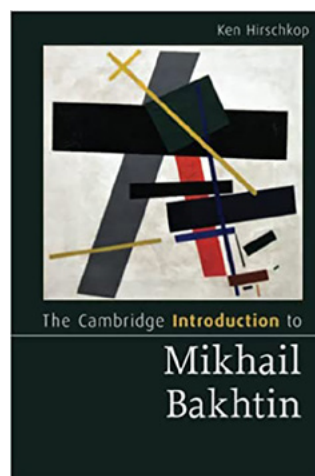
A review of K. Hirschkop's book *“The Cambridge introduction to Mikhail Bakhtin”* is presented. The book by the renowned Canadian literary and cultural studies scholar Professor K. Hirschkop aims to give a systematic description of M.M. Bakhtin's scientific heritage for the English-speaking reader, especially for a philology students' audience. According to the reviewers, the author solves in this book both traditional tasks of a textbook, performed in the genre of «Introduction» as well as purely research tasks. For the first time in English-language Bakhtin Studies an analysis of the theory and practice of the Russian thinker is presented on the basis of the texts of his collected works, which Hirschkop is convinced forms the image of the “new” Bakhtin. The proven scheme of the Cambridge Introductions series allows the author to consistently present a compact sketch of the scholar's life, the main sources and contexts of his philosophical and philological pursuits, an analysis of key ideas and works, and the process of reception in the English-speaking world of the second half of the 20th and early 21st centuries.

Keywords: K. Hirshkop, M.M. Bakhtin, “the Bakhtin Circle”, Bakhtin studies, biographical reconstruction, reception of scientific legacy.

Оценивая новую книгу известного канадского литературоведа и культуролога, одного из ведущих западных специалистов в сфере изучения наследия М.М. Бахтина профессора Кена Хиришкопа, прежде всего обратим внимание читателя на ее жанровую специфику. «Введение» — довольно распространенный тип учебного и научно-справочного издания, предполагающий решение скорее дидактических, нежели исследовательских задач. Сразу прокомментируем и название книги: опубликованная в издательстве Кембриджского университета, она вышла в серии «Кембриджские введения: литература», если переводить название серии, сообразуясь с нормами русского языка. Позволим себе предложить наиболее адекватный, как кажется, замыслу автора и издательства вариант перевода: «Михаил Бахтин. Введение». Графическое решение обложки, в чем несложно убедиться читателю этой рецензии, также говорит в пользу такого варианта.

Нет сомнений, что появление книги, посвященной русскому мыслителю, в одном из самых авторитетных европейских издательств — свидетельство не только значимости идей М.М. Бахтина для современного университетского образования, но и того, что имя русского мыслителя окончательно закрепилось в «большом каноне» ключевых фигур мировой интеллектуальной истории.

Понимание всего этого во многом определяет позицию автора, осознанно выходящего за пределы привычного формата. Стандарт-

Hirschkop K. The Cambridge introduction to Mikhail Bakhtin. — Cambridge: Cambridge University Press, 2022. — 250 p. — ISBN 9781107521094.

ная схема «Введения», включающая описание биографии героя, контекстов его идей, содержания основных произведений и их рецепции, в данном случае предстает рядом ключевых точек, отталкиваясь от которых литературовед предлагает масштабную реконструкцию идей М.М. Бахтина и, разворачивая их во времени и пространстве, представляет бахтинское наследие как целостную систему. Все это, несомненно, делает его книгу заметным событием в англоязычном бахтиноведении и в современной западной литературной теории в целом.

Несколько слов нужно сказать об отношении К. Хиршкопа к своему герою. Уже в первой, вводной, главе присутствует особая романтическая нота, позволяющая говорить не только о глубоко уважении к русскому мыслителю, но и о любви к русской литературе и русской культуре. Здесь важнейшим становится образ руин как особого состояния, в котором пребывает наследие М.М. Бахтина, дошедшее до своего читателя не столько в виде книг и статей, сколько по большей части в виде фрагментов рукописей, набросков, заметок, конспектов и рабочих материалов.

Напомним, что образ руин заимствован из известной статьи Ю. Кристевой, одного из крупнейших теоретиков французского структурализма и постструктурализма, феминизма и семиотики. Ставшее хрестоматийным кристевское «Разрушение поэтики» было опубликовано в качестве предисловия к французскому переводу «Проблем поэтики Достоевского». И осознанный диалог-полемика К. Хиршкопа с Ю. Кристевой становится своего рода внутренним стержнем книги, обозначающим принципиальный отказ современного бахтиноведения от мифов и штампов 1960–1970-х гг.

Именно создание целостной картины бахтинского наследия из «руин» — главная цель книги. Перед нами не «археология вещей» в духе М. Фуко, но «археология мысли». В том, как исследователь решает проблему метаописания бахтинской теории, можно увидеть пример, условно говоря, того «реконструктивного» метода, с помощью которого возможно систематическое описание наследия и других участников «Круга Бахтина», прежде всего В.Н. Волошинова и П.Н. Медведева. Вот как автор сам поясняет свою позицию:

Можно сказать, что мы подошли к поворотному моменту в восприятии Бахтина, к моменту, когда мы наконец-то можем собрать воедино нечто вроде достоверного жизнеописания, детального восстановления его контекста, а также представления и анализа самих его трудов [1. P. 3].

Справедливости ради отметим, что К. Хиршкоп был далеко не первым, кто писал о необходимости проблемно-хронологического представления трудов и идей М.М. Бахтина. Тридцать лет назад известный американский славист и один из крупнейших теоретиков гуманитарного знания Г.С. Морсон отмечал парадоксальный характер знакомства американского (шире — западного) читателя с текстами Бахтина:

В Соединенных Штатах книга о Рабле была первой, которую перевели на английский язык и которая приобрела широкую известность за пределами славистики, и это, как мы полагаем, привело к неверному пониманию творчества Бахтина в целом. Бахтинские работы, которые читали позднее, воспринимались уже в духе «карнавализации» — в духе крайних идей, а не прозы жизни. Но давайте представим себе, что было бы, если бы Бахтина сперва узнали как автора статьи «Искусство и ответственность» и рукописи «К философии поступка»; потом — как автора «Слова в романе», а лишь в последнюю очередь прочитали книгу о Рабле. Разве образ Бахтина не был бы иным? [2. С. 41].

Словно руководствуясь этим призывом, Хиршкоп дает в своей книге хронологически обоснованную последовательность работ Бахтина, что позволяет ему в конечном счете представить масштабную эволюцию мыслителя на протяжении всей его жизни.

Одна из наиболее сложных задач, которую автор решает в ходе анализа, — создание компактного биографического очерка. Перед К. Хиршкопом стояла достаточно амбициозная цель: развеять несколько биографических мифов и реконструировать жизнь Бахтина на более или менее четко документированной основе. Если во вводной главе автор вел полемикальный диалог с Ю. Кристевой, то теперь его основными оппонентами выступили К. Кларк и М. Холквист

как создатели давней, но отнюдь не утратившей авторитета в англоязычном мире книги «Михаил Бахтин», а также большинство российских биографов Бахтина — от С.Г. Бочарова, В.В. Кожина, Вяч.Вс. Иванова до современных исследователей. При этом вызывает недоумение отсутствие ссылок на хорошо известные работы современных отечественных исследователей жизни и творчества Бахтина, в частности С.С. Конкина, В.И. Лаптуна, Н.И. Николаева, Н.А. Панькова. Похоже, исследователь был уверен, что вполне достаточно биографического пласта, представленного в комментариях к бахтинскому собранию сочинений. Оставляя за автором право на выбор подобного решения, предположим, что предметное обращение к этим публикациям помогло бы ему избежать некоторых ошибок и досадных неточностей.

В целом К. Хиршкоп постарался дать убедительную и непротиворечивую картину жизни мыслителя в контексте политических, идеологических, социальных и культурных реалий эпохи. Рождение в благополучной семье преуспевающего банковского служащего, переезды в Вильно, Одессу, а затем и Петроград, годы революции и Гражданской войны, проведенные в Невеле и Витебске, возвращение в Ленинград, ссылка в Кустанай, Саранск, Савёлово и снова Саранск и наконец Москва — вот вехи жизненного пути мыслителя, с хорошим знанием деталей описанные в этой главе. Автор не отделяет Бахтина-человека от Бахтина-ученого, уже знакомя читателя с важнейшими его открытиями, сделанными в конкретный период. Тем самым он подготавливает свою аудиторию к переходу на новый уровень — к постепенному проникновению вглубь бахтинской мысли и ее контекста, в творческую лабораторию мыслителя в последующих главах. Несмотря на неизбежную конспективность данного раздела книги, получившийся очерк можно с уверенностью назвать одной из лучших биографий Бахтина в формате «компактного жизнеописания».

К. Хиршкоп не боится выходить за пределы традиционной биографии, активно проблематизируя ее и предлагая порой самые радикальные решения. Он даже готов отказаться от понятия «Круг Бахтина», поскольку, с его точки зрения, никакого круга как интеллектуального единства с общей программой, по крайней мере в привычном для него понимании феномена научного круга, не существовало ни в Невеле, ни в Витебске. В его интерпретации М.М. Бахтин, М.И. Каган, Л.В. Пумпянский, Б.М. Зубакин и даже П.Н. Медведев предстают мыслителями с оригинальными идеями и с отсутствием некоего «кружкового единства». В свою очередь, ленинградский круг Бахтина конца 1920-х при всей близости определенных идей Бахтина, Медведева и Волошинова должен стать просто «кругом», поскольку для исследователя не так уж очевидна первостепенность бахтинского вклада в интеллектуальный продукт этого «мыслительного коллектива» (Ю.П. Медведев).

С подобным утверждением автора трудно согласиться, и осмелимся предположить, что именно этот момент в книге К. Хиршкопа вызовет наибольшее несогласие сегодняшних исследователей.

*Т*рудно сказать, насколько оправдан в биографической главе развернутый сюжет о так называемых «спорных текстах», вполне, впрочем, укладывающийся в общую логику разговора о круге. Последовательный сторонник бахтинского не-авторства «Формального метода в литературоведении» и «Марксизма и философии языка», К. Хиршкоп стремится опровергнуть позицию противоположной стороны. При этом размышления о возможном бахтинском участии в их создании почти не опираются на новые факты. Автор, скорее, предлагает завершённую формализацию юридического аспекта вопросов принадлежности книг титульным авторам без глубокого анализа их содержания, а попытки отделить Бахтина как автора работ, опубликованных под его собственным именем, от спорных текстов базируются, в частности, на следующем предположении: если допустить существование «Бахтина под маской» как автора или соавтора «Формального метода в литературоведении» и «Марксизма и философии языка», то тогда понадобится признать наличие маски Бахтина и как автора его собственных текстов, создававшихся с учетом требований советской цензуры. Мысль эта, очевидно, не лишена определенных оснований, однако любой погружавшийся в контекст интеллектуальной, культурной и научной жизни России 1920-х —

начала 1970-х гг. с неизбежностью вынужден признать присутствие той самой интеллектуальной несвободы, которая ограничивала возможности разговора на том языке и на те темы, о которых он хотел бы и мог говорить. Это давний спор, восходящий, возможно, еще к феномену двойничества и явлению подпольного человека Достоевского. Данный феномен претерпел многочисленные модификации в предреволюционной и постреволюционной литературной практике в своем осмыслении, разноязычии и многоязычии, а также в философии советского подполья и др. Фраза М.М. Бахтина о «безблагодатной почве под этим несвободным небом», процитированная С.Г. Бочаровым, как нельзя лучше иллюстрирует понимание ситуации самим Бахтиным. Не станем утверждать, что К. Хиршкоп лукавит, но точка несовпадения его позиции с позицией значительной части российских исследователей именно здесь кажется очевидной (см.: [3; 4]).

К сожалению, автор не приводит и достаточно весомых аргументов в пользу своего утверждения о влиянии П.Н. Медведева и В.Н. Волошинова на Бахтина во время его работы над «Проблемами творчества Достоевского».

Не станем углубляться в этот достаточно болезненный для современного бахтиноведения вопрос, ограничившись отсылкой к мнению С.С. Аверинцева, которое не представляется убедительным автору монографии, но выглядит вполне аргументированным для нас. Еще в конце 1980-х гг. один из самых авторитетных представителей отечественной филологии писал:

Сегодня первоочередная задача — как можно скорее дать читателю полное собрание всех трудов и сохранившихся записей Бахтина, снабженное обширным аппаратом: особенно важны комментарии, чем обстоятельнее, тем лучше, желательна подробная хроника жизни и творчества. В этот многотомник должны войти также работы, так сказать, «девятероканонические», если позволительно узурпировать термин, привычный для библистики, то есть статьи и книги, вышедшие под именами И.И. Канаева, П.Н. Медведева и В.Н. Волошинова. Моральные и отчасти юридические аспекты проблемы атрибуции этих работ вызвали немало волнений и недоумений. Я предлагаю с непринужденностью оставить проблему нерешенной и считать ее не подлежащей решению [5. С. 259].

Впрочем, по ходу развития сюжета Хиршкоп все-таки вносит коррективы в свою, казалось бы, давно сформулированную точку зрения на авторство «спорных текстов», включая в список бахтинских публикаций статью «Современный витализм», напечатанную под именем И.И. Канаева [1. Р. 117].

Биографический материал представлен не только в рассмотренной главе — в значительной степени он определяет погружение исследователя в «контексты бахтинской мысли», одновременно оказывающиеся контекстами бахтинской жизни. Хиршкоп замечает:

Контекст — самое неоднозначное из понятий. Он может сильно различаться по масштабу и структуре, начиная с причуд и случайностей биографии и заканчиваясь теми мощными тектоническими сдвигами, которые происходят в конкретный исторический период. Контекстуальное прочтение может основываться на повседневных обстоятельствах, на столкновении мнений или мировоззрений, на гендерных или классовых отношениях исторического времени и пространства [Ibid. P. 30].

Впрочем, в этой главе контекст жизни оказывается второстепенным: автору гораздо важнее показать, как соотносятся идеи Бахтина конкретного периода с современной философско-эстетической мыслью Германии и России, философскими интересами его друзей и собеседников, актуальными проблемами советской гуманитарной науки и др. Вполне предсказуемо на первый план выходят немецкое неокантианство — прежде всего Г. Коген, позднее Э. Кассирер, — феноменология Э. Гуссерля, философия языка К. Фосслера и Л. Шпитцера, «когенианство» М.И. Кагана с заметными нотками мессианизма и марксистской идеологии, оригинальные взгляды Л.В. Пумпянского, дискуссии с формалистами, споры о социологии языка и литературы рубежа 1920–1930-х гг., поиски новых путей построения теории романа в предвоенное десятилетие и проблематизация речевых жанров на фоне сталинского «Марксизма и вопросов языкознания».

Последовательная работа Бахтина с важнейшими открытиями современной ему интеллектуальной мысли, конструктивный диалог с крупнейшими представителями отечественной

и зарубежной гуманитарной науки только акцентируют в интерпретации Хиршкопа самобытность его фигуры и идей. Пользуясь архитектурными метафорами автора, отметим, что именно проведенная в этой главе реконструкция контекстов позволяет увидеть силуэт того грандиозного интеллектуального сооружения, которое создается бахтинской мыслью с конца 1910-х до начала 1970-х гг.

Пожалуй, самая важная для англоязычного читателя четвертая глава. Оценивая ее, прежде всего обратим внимание на ту огромную подготовительную работу, которую проделал исследователь, тщательно сравнив имеющиеся английские переводы Бахтина с корпусом его текстов, представленных в собрании сочинений. Собственно, именно собрание сочинений является тем фундаментом, на который Хиршкоп опирается в своем проекте реконструкции бахтинского наследия.

Для того чтобы представить научное наследие Бахтина как целостную и непротиворечивую систему, Хиршкоп выделяет несколько проблемных зон: философия и эстетика, сюжеты о Достоевском и Рабле, теория романа и проблема речевых жанров. Выбор сюжетно-тематического, а не проблемно-хронологического подхода имеет свои преимущества. Точки пересечений и зоны сопряжений бахтинских интересов на разных временных отрезках дают возможность почувствовать, как ранняя философская эстетика «просвечивает» в работах о романе 1930-х гг., а идея диалога, впервые сформулированная в книге о Достоевском, становится ведущей на протяжении всего послевоенного творчества мыслителя.

Главная задача исследователя — раскрыть для читателя смысл бахтинских поисков и обозначить ключевые его идеи, поэтому анализ текстов он дает в рамках следующей дидактической схемы: экспозиция, представляющая собой краткое перечисление важнейших характеристик тех или иных трудов, их критический разбор и формулирование на основе этого разбора суммы выводов. Оставаясь в целом в рамках сформировавшегося еще в конце 1980-х — начале 1990-х гг. «левого бахтинского проекта», исследователь вполне ожидаемо акцентирует социологическую сторону наследия Бахтина и довольно скептически относится к его религиозно-философской составляющей. Объем рецензии не позволяет подробно останавливаться на этом моменте, так что отошлем читателя к не утратившей своей актуальности статье К. Эмерсон, исчерпывающе оценившей опыт левых интерпретаций Бахтина [6].

Важнее, однако, другое. Пожалуй, именно у К. Хиршкопа мысль о значении собрания сочинений Бахтина для новых подходов к интерпретации его наследия сформулирована наиболее аргументированно. В ходе этой работы в какой-то момент «археолог» превращается в текстолога. Трудно сказать, насколько обычному читателю «Введения» интересны рассуждения Хиршкопа о важности отсутствующих фрагментов, о неточностях переводов. Но для специалиста, серьезно заинтересованного в нюансах бахтинской теории, это, несомненно, аргумент в пользу того, чтобы воспринимать книгу канадского автора более чем серьезно. Конечно, идея восстановления подлинного М.М. Бахтина, или, по определению Хиршкопа, «нового» Бахтина, порой чрезмерно увлекает автора, и мы никак не можем согласиться с его утверждением, что только в собрании сочинений представлен подлинный, не искаженный редакторами Бахтин. Злая роль редакторов и составителей, о чем Хиршкоп пишет много и с удовольствием, конечно же, преувеличена. Можно сказать с уверенностью, что никто из них не использовал бахтинский материал в угоду собственным научным интересам или идеологическим пристрастиям. Это еще один миф, вырастающий на руинах тех мифов, которые исследователь последовательно разоблачает в книге.

Подчеркнем, что даже тот М.М. Бахтин, который появляется в статье «К методологии гуманитарных наук», сконструированной В.В. Кожинным из отдельных фрагментов разного времени или записей 1970–1971 гг., взятых из рабочих тетрадей гораздо большей хронологической

протяженности, — это все равно Бахтин. А то, что зафиксировано в качестве текстов, ни в коей мере не противоречит первоначальным замыслам ученого. Это действительно сложный научный и этический момент, и здесь с автором книги, видимо, нужно согласиться. Но одновременно это и неотъемлемая часть того самого контекста, о котором было написано в книге ранее.

На основе анализа редакционного дела книги «Вопросы литературы и эстетики», в частности отзывов внутренних рецензентов Г.М. Фридлендера и Д.В. Затонского, можно предположить, что текст «К методологии гуманитарных наук» изначально планировалось дать в виде авторского предисловия к сборнику. Задачей подобной реконструкции была необходимость представить М.М. Бахтина как теоретика гуманитарного знания, и следует сказать, что эта задача оказалась выполненной, хотя и не в рамках первоначального замысла: впервые под заголовком «К методологии литературоведения» статья увидела свет в сборнике «Контекст».

Остается добавить, что кожиновская контаминация вполне конгениальна методологическим замыслам и интуициям самого М.М. Бахтина. Исходя из тех же контекстов бахтинской биографии 1960-х — начала 1970-х гг., можно предположить, что в те годы ни В.В. Кожин, ни С.Г. Бочаров, ни С.С. Аверинцев специально не занимались текстологией, в частности уточнением времени появления бахтинских текстов, с которыми они работали, определяя примерные даты их написания. К тому же в условиях неразобранного архива Бахтина для публикации отбирались фрагменты, имевшие более или менее законченный вид. Вполне можно допустить, что Кожин, соединяя разрозненные заметки в единый текст статьи «К методологии гуманитарных наук», не задумывался о времени их создания, тем более что следы редакторского вмешательства в составленные им тексты, мягко говоря, минимальны.

Наименее удавшейся кажется нам пятая глава, посвященная рецепции трудов и идей ученого. Понимая, по-видимому, что нельзя объять необъятное, исследователь весьма избирателен в изложении того непростого пути, которым книги и идеи М.М. Бахтина приходят к западным гуманитариям. В целом картина вполне точна и адекватна: от почти случайных упоминаний «Проблем творчества Достоевского» в англоязычной славистике второй половины 1950-х — начала 1960-х до острого интереса к автору книг о Достоевском и Рабле в 1960–1970-е гг., последовавшего затем «бахтинского бума» и длительного и весьма разноголосого процесса освоения идей мыслителя и споров с ним в самых разных течениях западной гуманитаристики, от деконструктивизма и феминизма до постколониальных исследований.

Досадное недоумение при этом вызывает практически полное отсутствие упоминаний российских бахтиноведов. Признание их заслуг в книге, конечно же, имеет место, но предметного разговора о том, как наследие М.М. Бахтина изучалось у него на родине и что, собственно, предшествовало появлению собрания сочинений ученого и огромного массива литературы о нем, так и не происходит. Вполне допускаем, что причины этого лежат в ограниченном объеме книги.

Не станем безоговорочно утверждать, что К. Хиршкоп написал лучшую на сегодняшний день в англоязычном мире книгу о М.М. Бахтине, но то, что ей предстоит сыграть свою роль в приближении нового этапа в изучении научного наследия Бахтина, — несомненно. И для студентов-гуманитариев, и для преподавателей, и для исследователей она открывает двери в мир Бахтина и связанное с ним пространство русской и мировой культуры, позволяет по-новому взглянуть на то, что сделал Бахтин, и понять потенциал его идей для дальнейшего развития гуманитарного мышления.

Не менее важна эта книга и для российского читателя: ее появление заставляет задуматься о необходимости создания и для нашего студенчества подобного рода «Введения», столь же компактного по объему, глубокого и насыщенного по содержанию.

Литература

1. *Hirschkop K.* The Cambridge introduction to Mikhail Bakhtin. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 250 p.
2. *Махлин В.Л., Морсон Г.С.* Переписка из двух миров // Бахтинский сборник. Вып. 2. М., 1992. С. 31–43.
3. *Осовский О.Е., Киржаева В.П.* «...Мне, так сказать, приписывают...»: «спорные тексты» в бахтиноведении конца 1980–90-х // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 156–168.
4. *Осовский О.Е., Дубровская С.А.* Бахтин, Россия и мир: рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996–2020 годов // Научный диалог. 2021. № 7. С. 227–265.
5. *Аверинцев С.С.* Михаил Бахтин: ретроспектива и перспектива // Дружба народов. 1988. № 3. С. 256–259.
6. *Эмерсон К.* Бахтин, понятый. Право, но влево // Михаил Михайлович Бахтин / под ред. В.Л. Махлина. М., 2010. С. 264–296.

Осовский Олег Ефимович,
доктор филологических наук,
профессор,
главный научный сотрудник
Мордовский государственный
педагогический университет
им. М.Е. Евсевьева

Osovskii Oleg E.,
Doctor of Philology, Professor,
Chief Researcher
Evseviev Mordovian State Pedagogical
University

e-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

References

1. *Hirschkop K.* The Cambridge introduction to Mikhail Bakhtin. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 250p.
2. *Makhlin V.L., Morson G. S.* Perepiska iz dvukh mirov // Bakhtinskii sbornik. Vyp. 2. Moscow, 1992. P. 31–43. (In Rus.)
3. *Osovskii O.E., Kirzhaeva V.P.* “...Mne, tak skazat’, pripisyvaiut...”: “spornye teksty” v bahtinovedenii konca 1980–90-h // Filologiya: nauchnye issledovaniia. 2018. No. 3. S. 156–168.
4. *Osovskii O.E., Dubrovskaya S.A.* Bahtin, Rossiia i mir: recepcia idei i trudov uchenogo v issledovaniiah 1996–2020 godov // Nauchnyi dialog. 2021. No. 7. S. 227–265.
5. *Averintsev S.S.* Mihail Bahtin: retrospektiva i perspektiva // Druzha narodov. 1988. No. 3. S. 256–259.
6. *Emerson K.* Bahtin, poniatyi. Pravo, no vlevo // Mihail Mihailovich Bahtin / pod red. V.L. Mahlina. Moscow, 2010. S. 264–296.

Дубровская Светлана Анатольевна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
как иностранного
Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева

Dubrovskaya Svetlana A.,
Doctor of Philology, Docent,
Professor of the Russian as a Foreign
Language Department
Ogarev Mordovian State University

e-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

